

18+ Ужас Гримм

СВЕТ ЗАБВЕНИЯ

ДОВЛАНД СИТИ. ЖИВОТНЫЙ УЖАС. ПАРЯЩИЙ ГОРОД.
КОРИДОР. S23Q. ЗОВ САТЕРА. КУПОЛ. ЛИФТ.
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ. БЛУЖДЕНИЕ.

Элиас Гримм

Свет забвения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72769462

ISBN 9785006853799

Аннотация

«Свет забвения» – 10 историй, где реальность трещит по швам. Очнуться без памяти в лабиринте ужасов, попасть в смертоносные джунгли, услышать злобный зов древних, оказаться в гнетущей изоляции под таинственным куполом... Герои этой книги отчаянно ищут выход из лабиринтов, ловушек и гнетущей неизвестности. Но что, если свет, который они ищут, несет лишь новое забвение?

Содержание

Довланд Сити	5
Животный Ужас	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Свет забвения

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2025

ISBN 978-5-0068-5379-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Довланд Сити

Моя жизнь с самого её зарождения была не столько течением, сколько бушующим потоком, неустанно ищущим новые русла, новые просторы. Я всегда ощущал в себе неутолимую жажду выходить за пределы известного, проникать в тайные уголки мира, где природа ещё не была растоптана сапогом цивилизации, а душа человека не была запятнана суетой. Карты для меня были не просто географическими схемами, а безмолвными, но красноречивыми приглашениями к экспедиции, к созданию, к утверждению моей воли над диким, неизведанным. Я видел в них не границы, а возможности, полотна, на которых только предстояло написать мою историю, историю моего триумфа.

И вот, однажды, когда мой взгляд скользнул по обширным, девственным лесам северного Висконсина, что-то дрогнуло в самой глубине моей души. Я почувствовал, как земля под моими ногами, обычно твёрдая и неизменная, словно ожила, наполнилась неведомой мне прежде энергией. Это было не просто скопление деревьев и водоёмов; это было дыхание первозданности, живой организм, который жаждал быть понятым, быть осмысленным. Здесь, среди этих бескрайних зелёных просторов, я почувствовал, как мои собственные амбиции обретают новую, грандиозную форму.

Озеро Миддл Немакэджи... Само его название звучало как древняя мелодия, напеваемая ветром среди вековых сосен, как шепот духов, населяющих эти места. Оно манило меня своей зеркальной гладью, обещающей не только уединение от всё возрастающего шума и хаоса цивилизации, но и некую глубокую, внутреннюю магию, способную исцелять израненную душу. В эти годы, когда города росли как грибы после дождя, превращаясь в лабиринты из бетона и стали, я видел эту неутолимую, растущую жажду в сердцах людей. Жажду вернуться к истокам, к естеству, к тем временам, когда человек ещё чувствовал свою связь с землёй. Жажду места, где можно было бы вдохнуть полной грудью, где каждый рассвет обещал бы не только новый день, но и новые, захватывающие возможности, а каждый закат – спокойное, умиротворяющее завершение дня, полное тихой радости.

Я мечтал о городе, который станет именно таким оазисом, – городе, куда бы стекались сливки общества, ища не просто кратковременный отдых, но новое измерение жизни. Городе, где роскошь будет гармонично сочетаться с первозданной красотой природы, где каждый день будет наполнен неспешным наслаждением жизнью, а каждый вечер – ощущением глубокого, заслуженного покоя. Я видел, как эти земли, доселе дикие и неизведанные, преобразятся под мо-

им руководством, станут полотном, на котором я смогу написать свою самую грандиозную картину.

Мой взгляд цепко исследовал каждый изгиб береговой линии, каждую вершину холма, каждая деталь местности казалась мне частью грандиозного замысла. Я представлял себе, как здесь, на этих берегах, появятся изящные виллы, утопающие в пышной зелени, как возвысятся просторные отели, чьи величественные окна будут отражать бескрайнюю лазурь неба, как появятся широкие, залитые солнцем аллеи, ведущие к уединённым, нетронутым пляжам. Всё это должно было стать воплощением моей мечты, моим наследием.

Моя цель была не просто амбициозна – она была дерзка, смела, возможно, даже граничила с безумием. Я намеревался воздвигнуть не просто поселение, а истинный символ. Довланд – жемчужину, которая должна была засиять на карте северного Висконсина, затмив собой всё, что было создано до него. Я видел его не как набор бездушных построек, а как живой, дышащий организм. Это было больше, чем строительство; это было сотворение нового мира.

Я, Уильям Деври, должен был стать не просто строителем, а архитектором этой мечты, её главным творцом, её вдохновителем. Я хотел, чтобы моё имя ассоциировалось с чем-то вечным, с чем-то, что превосходит суетность и эфемерность

бытия. Не просто построить город, а создать легенду – легенду о месте, где амбиции человека встречаются с безграничной мощью природы, где истинная роскошь не противоречит первозданной простоте, а где каждый, кто ступит на эту землю, почувствует себя частью чего-то большего, чего-то поистине значимого.

Это стремление было глубже, чем просто деловая хватка или желание приумножить капитал. Это было призвание, страстное, всепоглощающее желание оставить в мире свой неизгладимый след, не просто как богач или землевладелец, а как человек, способный преобразовать реальность, воплощать в жизнь самые смелые фантазии. Я хотел, чтобы Довланд стал свидетельством моей силы, моего видения, моей способности создавать там, где другие видели лишь пустоту.

Я представлял себе, как сюда будут стекаться люди, полные надежд, готовые вкладывать свои средства, строить своё будущее, строить свою новую жизнь. И я, как главный дирижер этого грандиозного оркестра, буду управлять всем. Это было искусство, политика и бизнес в одном флаконе. Я видел, как мои замыслы обретают плоть, как мои чертежи превращаются в реальные здания, как мои идеи воплощаются в жизнь, радуя глаз и душу.

Я предвидел, как моя репутация будет расти вместе с го-

родом. Как меня будут называть визионером, человеком, который не боится бросить вызов природе и обществу. Это было не просто строительство; это было создание мира по моему образу и подобию. Мира, который будет отражать мои самые смелые мечты, мои самые высокие устремления. Мира, который будет жить и развиваться, принося радость и процветание его обитателям, и, конечно же, мне, его создателю.

Я представлял себе, как будет выглядеть мой кабинет с видом на озеро, как я буду принимать гостей, рассказывая им о величии Довланда, о его потенциале, о его будущей славе. Это было не просто стремление к богатству; это было стремление к бессмертию, к тому, чтобы моё имя звучало в веках, как имя тех, кто осмелился мечтать и воплощать свои мечты в реальность. Я хотел, чтобы Довланд стал моим *magnum opus*, моим памятником, высеченным в камне и в памяти людей. И я верил, что эта земля, этот северный Висконсин, станет идеальным местом для такого грандиозного начинания.

День, когда началось строительство, был одним из тех ясных, обещающих дней, когда само солнце, казалось, благословляло наши начинания. Воздух был напоен ароматом свежей хвои и влажной земли, а пение птиц звучало как приветствие новому началу. Я, Уильям Деври, стоял на берегу озера Миддл Немакэджи, вдыхая этот чистый, бодрящий воздух, и чувствовал, как во мне нарастает волна предвкуше-

ния. Моя мечта, которую я так долго лелеял в своих мыслях, наконец, обретала реальные, осязаемые очертания.

Прибыли первые бригады. Это были крепкие, мозолистые руки, закалённые в труде на лесозаготовках и стройках по всему Среднему Западу. Их лица, обветренные и загорелые, светились той простой, незатейливой решимостью, которая присуща людям, знающим цену тяжёлому труду. Они привезли с собой инструменты, свои немногочисленные пожитки и ту негласную готовность покоряться силе, которая всегда отличала моих работников. Мы начали с расчистки территории, с возведения временных построек, которые должны были служить жильём и складом для материалов. Леса трещали под ударами топоров, земля стонала, уступая натиску лопат, и первые каркасы будущих зданий, словно скелеты, начали обретать форму под моими глазами. Я наблюдал за этим процессом с тем особым удовлетворением, которое испытывает художник, видя, как его замысел воплощается в жизнь. Каждый новый день приносил видимые результаты, приближая мою мечту к той величественной реальности, которую я предвидел.

Но с первыми солнечными днями, с первыми возведёнными брёвнами, начали проступать и первые тени. Неведомые, едва уловимые, они начали просачиваться в ткань нашего начинания, подобно тонким трещинам в фундаменте,

которые сначала незаметны, но могут привести к разрушению всего здания.

Всё началось с мелочей, с шепота между рабочими. Сначала пропал Брэд. Обычный, ничем не примечательный парень, но надёжный, всегда на своём месте. Утром его не оказалось на стройплощадке. Мы пожали плечами: может, перебрал с выпивкой накануне, а может, просто решил, что работа вдали от дома – не для него. Такое случалось. Бывало. Но через пару дней исчез Джом. Джом, который был как скала, – всегда первым на месте, последним уходящим. Он знал своё дело, был ценным специалистом. Его просто не нашли. Мы перерыли окрестности, расспросили всех, кого могли. Никто ничего не видел, никто ничего не знал. Как будто растворился в воздухе.

Потом пропал Майк. Он был из тех, кто всегда шутил, кто разряжал обстановку своей болтовнёй. Теперь его шутки смолкли навсегда. А затем, словно по какой-то зловещей закономерности, исчез и Квинси. Квинси, который никогда не боялся ничего, кто смело смотрел в лицо любой опасности. Он был последним из этой, как мне тогда казалось, случайной четверки. Стройка замерла. Рабочие смотрели друг на друга с нарастающей тревогой, их глаза стали осторожными, а их движения – скованными, будто они боялись случайно коснуться чего-то неведомого. Казалось, будто сама зем-

ля, на которой мы начали строить, начала сопротивляться, медленно, неумолимо поглощая людей, которые осмелились нарушить её покой. Эта атмосфера неизвестности, словно холодный туман, окутывала нас, проникая в самые глубины сознания.

Эти необъяснимые исчезновения посеяли в коллективе настоящую панику. Шепот, который поначалу звучал лишь как пересуды, постепенно перерос в открытый, всеобщий страх. Люди начали бояться выходить на стройплощадку, особенно в одиночку, даже днём. Им казалось, что за каждым деревом таится опасность, что в тишине леса скрываются призраки пропавших рабочих. В темноте им чудились зловещие тени, в малейшем шорохе – призрачные голоса, зовущие их в неизвестность. Напряжение достигло своего пика, когда очередной рабочий, уже из новой смены, не явился на работу. Это стало последней каплей.

Бригада, словно стая испуганных птиц, собрав свои инструменты, свои немногочисленные пожитки, в спешке погрузилась в свои фургоны и покинула Довланд. Они уехали, оставив после себя недостроенные стены, недорубленные деревья, брошенное оборудование и, что самое страшное, свою невыплаченную зарплату. Они боялись. И их страх был настолько реален, настолько заразителен, что я, несмотря на всю свою решимость, почувствовал, как холод пробе-

гает по моей спине.

Я остался один. Моя мечта, казавшаяся такой близкой, такой осязаемой, вдруг показалась мне эфемерной химерой, сотканной из песка и тумана, которая могла рассеяться в любой момент. Но сдаться? Это было чуждо самой моей сути, моей природе. Я был Уильям Деври, и моя воля всегда покоряла. Я не мог позволить каким-то необъяснимым событиям сломать мои планы. Я отправился искать новую бригаду. Уговорил, убедил, пообещал им двойную плату, заверил, что первая бригада была просто трусливой, что такие случаи – редкость, но они случаются. Я не хотел верить в глупости о проклятиях. Я верил в рабочие руки, в крепкий мужской разум, в силу денег, которые способны решить любые проблемы.

Новая бригада прибыла, полная решимости, готовая работать за предложенные деньги. Их лица были суровыми, их взгляд – уверенным. Они не боялись. Или, по крайней мере, не показывали этого. И с ними история начала повторяться. Только теперь она разворачивалась с пугающей скоростью. Исчезновения стали не просто загадочными, а пугающими в своей закономерности. Однажды утром – никого. Через день – ещё двое. Я чувствовал, как земля под ногами проваливается, как мои грандиозные амбиции сменяются холодным, липким ужасом. Это место не просто отка-

зывалось строиться; оно, казалось, активно сопротивлялось, поглощая всех, кто смел здесь что-то создать. С каждым новым исчезновением моя вера в рациональность происходящего таяла, уступая место иррациональному страху. Это было уже не просто строительство, это было сражение с чем-то, чего я не мог ни увидеть, ни понять, ни покорить.

Сумерки. Этот переходный час, когда реальность, казалось, становится более податливой, более тонкой, словно материя, из которой соткан мир, истончается, пропуская отблески иных измерений. Это время, когда день медленно, но неумолимо уступает ночи, когда тени удлиняются, превращая знакомые очертания в нечто зловещее и чужое. Именно в такие моменты, когда последние, багровые лучи солнца скользили по верхушкам деревьев, окрашивая небо в тона, напоминающие старую кровь, я начал видеть их.

Сначала это были лишь отблески, обман зрения, игра света и тени, которые мой уставший, перегруженный тревогой ум так хотел списать на усталость. Я отворачивался – и ничего. Мир возвращался к своему привычному, пусть и сумрачному, состоянию. Но стоило мне снова повернуть голову, как они появлялись снова, словно неотступные преследователи, которые никогда не дремлют. Они были сотканы из самого вечернего тумана, из умирающего света, из самой сути тишины, которая начинала окутывать стройпло-

щадку. Они были почти прозрачны, едва различимы, скользили по земле, словно танцуя между недостроенными стенами моего Довланда, между пустыми окнами, которые теперь казались мне глазницами мёртвых существ.

Я не мог разглядеть их черт, не мог уловить их чёткие формы – они были лишь смутными силуэтами, как картины, нарисованные дымом, которые постоянно меняли свой облик. Иногда они напоминали человеческие фигуры, но с неестественно вытянутыми конечностями, с искажёнными пропорциями, с какой-то жуткой, неземной грацией. Они не издавали ни звуков. Абсолютно никаких. Их появление было молчаливым, их присутствие – гнетущим, давящим, словно сама атмосфера вокруг них становилась плотнее, тяжелее. Они просто были, эти призраки, порождённые, казалось, самой землёй, пробудившиеся от нашего вторжения.

И каждый раз, когда я, преодолевая страх, пытался сосредоточить на них свой взгляд, чтобы понять, что это, чтобы дать им имя, чтобы приписать им какую-то логику, они мгновенно рассеивались, словно их никогда и не существовало. Исчезали без следа, как капли дождя, падающие в раскалённый песок. Это было похоже на игру, в которой я всегда проигрывал, на головоломку, которую невозможно решить. Моя мечта, моя гордость, моё детище – всё это на-

чинало растворяться в этом зловещем, невидимом присутствии. Я чувствовал, как сама земля под ногами пульсирует, как воздух вокруг меня становится плотнее, тяжелее, наполненным необъяснимым, первобытным страхом. Это место не просто отказывалось быть городом; оно, казалось, обладало собственной, древней волей, которая теперь просыпалась, чтобы защитить себя.

Ночь опустилась на Довланд окончательно, как тяжёлый, бархатный покров, сотканный из безмолвия и неизвестности. Звёзды, обычно такие яркие, такие величественные в этом отдалённом уголке Висконсина, теперь казались тусклыми, приглушёнными, будто бы они боялись света, который ещё недавно заливал небо, и теперь стыдливо прятались, словно свидетели чего-то ужасного. Страх, который я так долго пытался игнорировать, который я так упорно загонял в самые тёмные уголки своего сознания, теперь вырвался на свободу, сковал меня ледяными тисками, проникая в каждую клетку моего существа. Я не мог больше оставаться здесь. Этот город, моя мечта, моё творение, превратилось в проклятие, в ловушку, из которой я должен был выбраться любой ценой.

Я бросился к своей машине. Она стояла там, где должен был быть центральный проспект, – вернее, там, где я её оставил. Символ моей надежды, мой единственный путь к спа-

сению, мой последний оплот против наступающей тьмы. Мои руки дрожали, пальцы, обычно такие ловкие и уверенные, теперь казались неуклюжими, неслушающимися, когда я вставлял ключ в зажигание. Повернул. Тишина. Абсолютная, гнетущая тишина. Ни единого звука двигателя, ни малейшего признака жизни. Снова. Я усилил нажим, почти согнув ключ. Снова. Ничего. Машина, моя последняя надежда, мой верный спутник, отказывалась повиноваться. Она была мертва, словно проклята вместе с этим местом.

Я поднял голову, обезумев от ужаса. И сердце моё замерло. Они были там. Они обступили машину. Не несколько фигур, как раньше, рассеянных по краю поля зрения, а целый рой. Туманные силуэты, плотно сомкнувшиеся вокруг меня, словно живая, пульсирующая стена. Они не рассеивались, как раньше, не исчезали при попытке их разглядеть. Они стояли, их неясные, колеблющиеся формы медленно пульсировали в полной темноте, безмолвные, но жутко ощутимые. Я не мог видеть их лиц, но чувствовал их присутствие, их пристальное, невидимое внимание, их безмолвное, но жуткое ожидание. Я был в ловушке. В ловушке собственного творения, которое оказалось чем-то иным, чем я ожидал. Чем-то древним, враждебным и совершенно непостижимым.

В приступе отчаяния, в последнем, отчаянном порыве, я

снова повернул ключ. И вдруг, словно в насмешку, словно играя со мной, мотор взревел. Машина ожила, затряслась, будто бы испугавшись чего-то, или, наоборот, устав от моего страха, от моего панического желания сбежать. Я вдавил педаль газа в пол, не думая ни о чём, кроме одного – уехать. Прочь. Отсюда. Убраться как можно дальше от этого места, которое, казалось, пыталось меня поглотить.

Я нёсся сквозь ночь, сквозь густой, непроглядный лес, который, казалось, смыкался надо мной, как челюсти доисторического чудовища. Свет фар выхватывал лишь узкую полосу дороги, теряясь в этой безбрежной, давящей тьме. Деревья проносились мимо с бешеной скоростью, их стволы сливались в размытые полосы, а ветви, казалось, тянулись ко мне, пытаясь схватить, удержать. И вдруг – ослепительный белый свет. Он хлынул отовсюду, заполняя собой всё пространство, проникая сквозь плотно закрытые веки, обжигая сетчатку. Я зажмурился, чувствуя, как мои глаза горят, как мой мозг плавится от этого невыносимого, всепоглощающего сияния. Это было не просто свет; это было стирание. Стирание реальности, стирание меня самого, стирание самого понятия времени и пространства. Я потерял всякое ощущение себя, будто растворяясь в этом белом океане.

Когда сияние начало медленно отступать, когда глаза мои, ослеплённые и болезненно чувствительные, начали привы-

каться к темноте, я остановился. Сердце моё колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в висках. Дрожащей рукой я поднял голову и посмотрел в заднее стекло.

Там, где ещё несколько мгновений назад я видел очертания своего Довланда, где стояли дома, где я чувствовал присутствие тех туманных существ, где ещё недавно была моя мечта, – там не было ничего. Только лес. Густой, непроглядный, древний лес, будто бы поглотивший всё, что я пытался построить. Мой город, моя мечта, моя амбиция – всё было стёрто, будто бы этого никогда и не существовало. Словно сама земля, сама природа решила забрать своё, вернуть всё в первозданное, нетронутое состояние. Я увидел лишь темноту, деревья и тишину. И эта тишина была страшнее любого крика.

Животный Ужас

Зоопарк – это целый мир, замкнутый в себе, со своими законами, своими рассветами и закатами, своей особой атмосферой. Для меня, Дерек, он стал не просто местом работы, а, пожалуй, и местом жизни. Годы, проведённые среди клеток, вольеров и звуков, которые не услышишь в шумном городе, сделали меня частью этого места. Я знал каждый уголок, каждый запах, каждое утро и каждый вечер. Утро здесь пахло по-особому: свежей опилкой, влажной землёй, и тем неповторимым, терпким ароматом диких зверей, который, казалось, пропитал мою одежду, мою кожу, мою душу.

Мы с Милошем и Спенсером были командой, настоящими братьями по духу. Милош, с его едким юмором, казалось, покрывал нас всех броней сарказма, разряжая любое напряжение. Он умел находить смешное даже в самых обыденных, или, наоборот, в самых пугающих ситуациях. Спенсер же был другим – его сердце всегда было наполнено состраданием. Он видел в каждом животном не просто объект ухода, а личность, чувствующее существо. Он мог часами наблюдать за их поведением, будто читая по их глазам их мысли, их настроения, их скрытые тревоги. Я же, Дерек, был где-то между ними – я ценил важность нашей работы, её порой нелёгкую, но всё же благородную суть, но в глуби-

не души всегда ощущал некоторую отстранённость, будто бы предчувствовал, что этот привычный, упорядоченный мир может в один момент рухнуть.

Особое место в этом мире занимали наши орангутаны. Трое. Три огромных, мудрых создания, чьи взгляды, казалось, проникали в самую суть вещей. Их ум, их способность к эмпатии, их сложные социальные связи – всё это завораживало. Мы знали их повадки, их любимые лакомства, их маленькие, почти человеческие причуды. Я часто проводил время, наблюдая за их играми, за тем, как они взаимодействуют друг с другом, и в их глазах я видел не просто животное, а отблеск чего-то древнего, разумного, чего-то, что мы, люди, в своей вечной суете, давно потеряли. Мы кормили их, убирали их вольеры, следили за их здоровьем, и в этом рутинном, но важном труде находили своё удовлетворение. Это был мир, где всё было просто и понятно, где существовала определённая, естественная логика, где добро и зло, казалось, были ясно различимы.

Но однажды, когда осенний воздух уже начинал пробираться до костей, а листья на деревьях окрасились в самые яркие, предсмертные оттенки, наш привычный, размеренный уклад был нарушен. К воротам зоопарка, словно тень из другого мира, подъехал внушительный чёрный лимузин. Из него вышел человек, чья внешность и манеры кричали

о богатстве и власти, о мире, который был для нас далёк и чужд. Он был одет в безупречный тёмно-синий костюм, его волосы были аккуратно зачёсаны, а взгляд из-под тонких бровей был острым, пронизательным, будто сканирующим всё вокруг. Это был мистер Салливан, как он представился, человек, представляющий некую влиятельную киностудию, чьё имя, вероятно, было известно многим, но мне ничего не говорило.

Он проследовал к офису мистера Габерна, нашего директора. Их разговор был тихим, но я, находясь неподалёку, не мог не уловить обрывки фраз, которые заставили меня насторожиться. «Фильм», «особые таланты», «уникальные животные». Сначала мистер Габерн, как я и ожидал, решительно отказывал. Его лицо было твёрдым, в его глазах читалась непоколебимая преданность животным и этике. Он говорил о гуманном обращении, о том, что животные – не реквизит, а живые существа, требующие заботы и уважения. Его слова были искренними, и я почувствовал прилив гордости за нашего руководителя. Но затем мистер Салливан, казалось, переключил свою тактику. Он наклонился ближе, понизил голос, и, как мне показалось, произнёс сумму. Сумму, которая, судя по мгновенной перемене выражения лица мистера Габерна, была астрономической. Глаза руководителя расширились, его обычно твёрдая позиция, его принципы – всё пошатнулось. После короткой, нервной паузы, он кив-

нул. Кивнул, словно продавая что-то бесценное за звонкую монету. В тот момент я почувствовал, как что-то внутри меня оборвалось. Я видел, как жадность может затмить разум, как легко можно переступить через самые важные принципы, когда на кону стоят большие деньги.

Мистер Габерн, с лицом, на котором смешивались облегчение и, как мне показалось, какая-то скрытая, невысказанная тревога, подошёл к нам с Милошем и Спенсером. «Дерек, Милош, Спенсер,» – начал он, его голос звучал немного фальшиво, неестественно – «У нас есть к вам просьба. Мистер Салливан хочет выкупить трёх наших орангутанов. Для съёмок в фильме. Я знаю, вы к ним привязаны, вы с ними работали, но сумма, которую нам предложили... она позволит нам провести грандиозный ремонт, расширить вольеры, обеспечить лучший уход для всех остальных животных. Я прошу вас помочь с транспортировкой. Это будет всего лишь поездка до города, недалеко. Всего лишь поездка.» Я смотрел на него, пытаюсь найти в его глазах хоть что-то, что могло бы развеять мои растущие сомнения, но видел лишь отблеск тех денег, что мистер Салливан принёс с собой. И понимал, что наши орангутаны, наши разумные, мудрые животные, скоро покинут нас, отправляясь в неизвестность, в мир, где, как я уже успел убедиться, понятия гуманности и заботы могут легко уступить место другим, куда более тёмным ценностям.

Мы погрузили орангутанов в специально оборудованный грузовик. Сам процесс был напряжённым, наполненным той тихой тревогой, которая предшествует чему-то неизбежному и пугающему. Животные чувствовали, что происходит нечто необычное, что-то, что нарушает их привычный, размеренный мир. Их глаза, обычно полные спокойного любопытства, теперь излучали тревогу, вопрошая без слов: «Что происходит? Куда нас везут?» Мы старались действовать как можно мягче, успокаивая их тихими голосами, предлагая лакомства, которые они любили – кусочки фруктов, орехи. Но даже наши привычные жесты, наши знакомые запахи, казалось, не могли развеять их беспокойство.

Милош, как всегда, пытался разрядить обстановку, рассказывая дурацкие истории, которые обычно вызывали у нас смех. Но сегодня его шутки звучали как-то глухо, не находя отклика в нашей напряжённой атмосфере. «Ну что, ребят,» – сказал он, похлопав по боку одного из ящиков, – «Надеюсь, там, где их снимают, им дадут самую лучшую еду. Может, им даже заплатить обещали, кто знает? Будут на оскар претендовать!» Он попытался улыбнуться, но улыбка его была натянутой, как струна, готовая вот-вот лопнуть.

Спенсер же, как всегда, был поглощён заботой. Он постоянно проверял крепления клеток, убеждался, что животные

не испытывают излишнего стресса, и тихонько разговаривал с ними, как с близкими друзьями, гладил их по рукам, если они высовывались из клетки. «Тише, тише, мои хорошие,» – шептал он. – «Всё будет хорошо. Мы просто едем в новое место, там будет много интересного.» Но в его глазах читалось явное беспокойство, которое он пытался скрыть.

Я же, сидя за рулём этого огромного, гудящего грузовика, чувствовал, как холодный пот стекает по моей спине. Во мне крутились обрывки разговоров, те самые, которые я подслушал у мистера Габерна, и те неоднозначные слова мистера Салливана. «Уникальные животные», «особые таланты». Что это за фильм? Какие именно «таланты» им были нужны? Я пытался представить себе, где именно их будут снимать. Может быть, это будет какая-то добрая детская история, где обезьяны будут играть роли забавных персонажей, смешить детей?

«Интересно, в каком фильме их снимать будут?» – спросил Милош, нарушая гнетущую тишину, которая повисла в кабине. – «Представляю, как их накрасят в дурацкие цвета, как клоунов, и заставят смешить публику. Может, они будут танцевать под дурацкую музыку? Или им придётся выполнять какие-нибудь трюки, прыгать через обручи, доставать бананы из шляпы?» Он снова попытался изобразить смешок, но он получился каким-то принуждённым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.